

Востоковедение

Oriental Studies

УДК 94 (517)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-123-127

Эдуард Владимирович Батунаев,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьянова, 6),
e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

Монголия: от провозглашения независимости до политических репрессий¹

В статье рассматривается один из самых сложных и драматических периодов в истории Монголии на пути к независимости и суверенитету. Внутриполитическая борьба в МНРП между «правыми» и «левыми», влияние Коминтерна, политические репрессии в Монголии в 1930–1940 гг., обострение международной ситуации, связанное с событиями на Халхин-Голе, оказали значительное влияние на политическое развитие Монголии. Особое внимание уделено политическим репрессиям, оставившим трагический след в истории Монголии. Репрессиям подверглись практически все слои населения Монголии, включая высшее партийно-государственное руководство, буддийское духовенство, интеллигенцию и зажиточных аратов. Ошибки и перегибы политики левого курса, борьба с ламством привели к масштабному «Хубсугульскому восстанию» в 1932 г. В ходе политических репрессий в Монголии значительно пострадало бурятское население, подвергшееся гонениям со стороны правящего режима по политическим мотивам, одним из которых стало сфабрикованное «Дело Лхумбэ». Автор пришёл к выводу, что политические репрессии стали инструментом внутриполитической борьбы с оппозицией, укреплением личной власти Х. Чойбалсана, а также сведением личных счетов в борьбе за власть.

Ключевые слова: политические репрессии, внутриполитическая борьба, Чойбалсан, Коминтерн, монгольская революция 1921 г.

Введение. XX век в истории Монголии прошёл под знаком борьбы за независимость и коренных социальных изменений. В 1911 г. Монголия в результате национально-освободительной борьбы и поддержке России провозгласила независимость от Китая и стала теократической монархией во главе с её духовным лидером Джебцзун-Дамбой-хутухтой. В результате подписанных серий международных договоров между Монголией, Россией и Китаем (1912, 1913, 1915 гг.), был определён международный статус Монголии как широкой автономии в составе Китая. В связи с ослаблением позиций России в годы революций и Гражданской войны Китай в 1919 г. ликвидировал автономию Монголии.

В 1920 г. барон Р. Ф. Унгерн освободил от китайских оккупационных войск Ургу и восстановил теократическую монархию. В Урге, в то же время, возникают первые революционные кружки, в которые вошли представители разных социальных слоёв, главной целью которых была борьба за национальную независимость. В 1921 г. они были объединены в Монгольскую народную партию (МНП). В тех условиях единственной реальной силой в достижении заветной цели могла стать Советская Россия. Однако Коминтерн и Советская Россия видели в Монголии, прежде всего, плацдарм для распространения революционных идей на Востоке.

Для монгольских революционеров гарантом сохранения независимости стала ори-

¹ Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

ентация на Советскую Россию и следование в русле некапиталистического пути развития. С этого времени влияние Коминтерна и ВКП(б) как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Монголии стало преобладающим. После революции 1921 г. Монголия прочно вошла в орбиту советского влияния. По линии Коминтерна в Монголию была направлена группа военных и партийных инструкторов и, по сути, вся работа правительственных и партийных органов проходила под их жёстким контролем. Среди современных исследователей, занимавшихся вопросами политических репрессий в Монголии, необходимо отметить работы отечественных и монгольских авторов: С. Л. Кузьмина, Б. В. Базарова, С. К. Рощина, Л. В. Кураса, Б. Батбаяра (Баабар), О. Батсайхана, Д. Олзибаатара, Ц. Цэрэна [1–3; 6–8; 10; 14; 15].

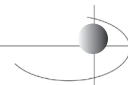
Изучение корпуса источников позволяет восстановить объективную картину политических процессов на территории Монголии. Целью данной работы является анализ внутривластного развития Монголии, политических репрессий, выявление степени влияния политики Коминтерна, эволюцию советско-монгольских отношений, влиявших на становление монгольской государственности.

Методология и методы исследования.

Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективизма, которые позволили установить причинно-следственные связи хода, причины политических репрессий, внутривластной борьбы, механизмов и степени влияния политики Коминтерна и СССР в Монголии.

Результаты исследования и их об- суждение. Политические репрессии конца 30-х гг. XX в., затронувшие практически все слои населения Монголии, включая высшее партийно-государственное руководство, буддийское духовенство, интеллигенцию и зажиточных аратов, оставили трагический след в истории страны. В Монголии они получили название – «Их Хэлмэгдүүлэлт» (Великие репрессии). Долгие годы тема политических репрессий как в отечественной, так и в монгольской историографии оставалась малоизученной, многие материалы были недоступны для исследователей и широкой общественности. Историческая память жертвам политических репрессий в Монголии до сих пор полностью не восстановлена и нуждается в объективном исследовании. Прологом к политическим репрессиям в Монголии стала расправа над одним из видных политических деятелей, премьер-министром Д. Бодо. По «Делу Бодо»

были расстреляны 15 человек. Эти обвинения во многом были сфабрикованы по политическим мотивам. Основным конфликтом разгорелся между ключевыми фигурами МНП с председателем ЦК МНП С. Данзаном и председателем реввоенсовета Э. Ринчино в вопросе о перспективах развития Монголии. По приговору специальной комиссии, назначенной Правительством и III Съездом, С. Данзан и один из руководителей Союза молодёжи, Баваасан, были расстреляны. Главный путь обвинения – стремление произвести контрреволюционный переворот. Таким образом, внутривластная борьба между «правыми» и «левыми» превратилась в очередную расправу с оппонентами. В Монголии, вставшей на путь строительства социализма, проходили те же социальные преобразования, что и в СССР. Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу [7, с. 363]. Важное внимание стали уделять экономическому подрыву теократии. Для этого проводилась джасская кампания и обложение монастырей высокими налогами. В 1930 г. была раскрыта подпольная организация, известная как «Заговор Эрэгдэндагвы», или «Дело 38», обвинение в участии в заговоре предъявили высшим ламам [6, с. 6]. Все эти процессы и реформы не могли не вызвать недовольства среди широких слоёв населения. Ошибки и перегибы проводимого «левого курса», в частности, антирелигиозная кампания, насильственная коллективизация, повышение налогов монастырских хозяйств, вызвали широкую волну недовольства среди населения, результатом которого стало Хубсугульское восстание в Монголии 1932 г. Повстанцы выступали с лозунгами свержения существующей власти, за устранение партии, ревсомола. Восстание не было стихийным, оно имело своих организаторов, которые опирались на широкое недовольство масс. В боях против отрядов повстанцев были задействованы армейские части и подразделения ГВО, использовалась и советская помощь. Правительственные потери превысили 400 человек убитыми и замученными. Страна понесла огромный материальный ущерб. Основные силы восставших к июлю были рассеяны, но полная ликвидация повстанческого движения завершилась лишь в октябре 1932 г. [10, с. 65]. Все руководители восстания в ходе публичного процесса были приговорены к расстрелу. Кроме того, был созван III Чрезвычайный съезд МНП с осуждением ошибок и перегибов «левацкого

эксперимента» и началом «нового» курса. Таким образом, политика левого курса привела к дестабилизации обстановки и восстаниям в МНР.

В связи с обострением ситуации на Дальнем Востоке и с угрозой японской агрессии особое внимание СССР стал уделять монгольскому направлению. В назревавшем конфликте СССР стал, по сути, единственным гарантом безопасности против японской экспансии. Постоянные провокации японских войск на монгольско-советской границе способствовали складыванию военно-политического союза между МНР и СССР. Исходя из геополитических задач, одним из главных вопросов, стоящих перед руководством СССР, стал вопрос об укреплении обороноспособности Монголии. В 1932 г. была создана постоянная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К. Е. Ворошиловым. С этого времени участились встречи руководителей СССР и МНР на высшем уровне. Необходимо отметить, что, начиная с первой встречи с монгольским руководством, Сталин придерживался непримиримой позиции в отношении лам и настойчиво советовал бороться с ними. В частности, он неоднократно заявлял: «Это государство в государстве. Чингисхан никогда не согласился бы на это. Он наверняка жестоко расправился бы с ними» [3, с. 142; 143]. В большинстве случаев советское руководство в ламском сословии видело, во-первых, неблагонадёжный элемент, потенциальных контрреволюционеров, сотрудничающих с иностранными государствами с целью свержения существующего строя, во-вторых, реальную оппозицию проводимых социальных преобразований на пути строительства социализма. В связи с этим были введены новые статьи Уголовного кодекса, относящиеся к ламам [13, с. 496]. Более 800 монастырей были уничтожены, практически ламское сословие перестало существовать.

Под маховик страшных политических репрессий в Монголии попали представители бурятского народа. Многие из них работали на различных руководящих должностях в партийно-государственных органах Монголии. Одним из них был Жамбын Лхумбэ, первый секретарь ЦК МНРП, обвинённый по сфабрикованному делу в контрреволюционной деятельности с целью свержения народной власти. Преследованиям подверглись также «неблагонадёжные» партийные и государственные работники, а также бывшие «левые», руководившие страной в 1929–1932 гг. В орбиту этого «дела» в той или иной степени попали

около 2 тысяч человек. Судили 316 человек, из них расстреляны 56, а 260 приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Свыше 700 бурятских хозяйств выдворены с территории Монголии [10, с. 82]. «Дело Лхумбэ» стало причиной для массовых репрессий бурят, проживающих в приграничных аймаках Монголии, прежде всего, Хэнтэйском, Дорнодском и Улан-Баторе [4, с. 169]. В годы «Большого террора» на территории соседней Бурятии подверглись репрессиям почти 20 тысяч человек. Им вменялась в вину попытка отторгнуть БМАССР от СССР и создать Великое Монгольское государство под протекторатом Японии, националистическая обработка населения республики на антисоветской основе и связанная с этим попытка государственного переворота. В ходе репрессий в эти годы, по сути, была уничтожена вся национальная интеллектуальная элита бурятского народа.

В борьбе за власть в 1936 г. Х. Чойбалсан при поддержке Сталина сместил с поста премьер-министра П. Гэндэна, в вину которому вменялась нерешительность в ламском вопросе, снижение обороноспособности, поддержка лозунга «обогащайтесь». Он был отправлен на лечение вместе с семьёй в СССР, проживал в течение года в Крыму (Феррос), планировал вернуться в Монголию, но был арестован органами НКВД по обвинению в создании «контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмиды» и расстрелян на полигоне «Коммунарка». Последнее, что успел сделать П. Гэндэн, будучи премьер-министром, – подписать протокол взаимопомощи с СССР. Подписание состоялось в Улан-Баторе 12 марта 1936 г. В соответствии с ним в Монголию были введены войска с целью укрепления обороноспособности. Всё это было связано с агрессивными планами Японии [7, с. 320]. Новый виток репрессий в Монголии связывают с именем заместителя наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновского и составлением так называемого «чёрного списка» на 115 человек, подозреваемых в «контрреволюционных заговорах» [5, с. 102, 104].

По аналогии с СССР были организованы специальные «тройки» для внесудебного рассмотрения дел. В период с 1937 по 1938 гг. были инициированы дела против крупных фигур духовенства. Одним из главных руководителей «контрреволюционного центра» был назван Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, тибетец, учитель Богдо-гэгэна VIII. Дело «Центральной контрреволюционной группы» стало первым крупным показательным процессом в

МНР по дискредитации высшего духовенства. Показательный процесс широко освещался в газете «Унэн» и транслировался по радио [13, с. 326–327]. Главными обвинениями стали сотрудничество высших лам с иностранными государствами с целью свержения власти МНРП и контрреволюционная деятельность [6, с. 10]. В 1937 г. был проведён показательный публичный процесс против «членов контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмиды». Всего за несколько месяцев 1937 г., по сути, был уничтожен весь высший командный состав МНРА, чистке подверглось высшее партийное руководство МНРП (16 министров, 42 генерала и старших офицеров, 44 высших служащих) [11, с. 9]. В годы «большого террора» в Монголии были репрессированы десятки тысяч людей от руководителей страны до простых аратов. Среди них – видные государственные и партийные деятели Монголии П. Гэндэн, А. Амар, Д. Догсом, Л. Лосол, С. Довчин, О. Бадрах, З. Шижээ, Р. Мэнд.

Заключение. Таким образом, Монголия в первой половине XX в. прошла долгий и сложный путь к обретению независимости при поддержке сначала царской России, а затем

СССР. Надо подчеркнуть, что единственным гарантом независимости после революции 1921 г. выступил СССР. Выбрав советскую модель развития и прочно войдя в орбиту советского влияния, молодое монгольское государство в сложившихся условиях не имело иной альтернативы для сохранения своего суверенитета. Одной из трагической страниц в истории XX в. стали годы «большого террора» в Монголии. Под маховик массовых политических репрессий попали десятки тысяч людей, от рядовых тружеников до высших партийно-государственных деятелей. В большинстве своём они были репрессированы по сфабрикованным делам, ложным доносам, став инструментом для сведения личных счетов и поиска мнимых «врагов народа». Начиная с 1996 г. в Монголии 11 сентября отмечается «День памяти жертв политических репрессий». Дочь П. Гэндэна, Г. Цэрэндулам, в его бывшем доме открыт Мемориальный музей жертв политических репрессий. Создана специальная правительственная комиссия, ведётся работа с привлечением учёных-историков по реабилитации жертв политических репрессий.

Список литературы

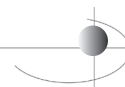
1. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 543 с.
2. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.
3. Батсайхан О. Встречи Сталина с монгольскими руководителями в 1932–1937 гг. // Восток. 2011. № 3. С. 142–143.
4. Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. «Дело Лхумбэ»: репрессии против бурят в Монголии // Вестник ВСГУТУ. 2012. № 4. С. 166–171.
5. История Монголии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.
6. Кузьмин С. Л. «Контрреволюционный центр» в Монголии в 1930-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 5–13.
7. Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2016. 496 с.
8. Курас Л. В. Репрессивная политика советского государства в Бурят-Монголии в 20–30-е годы XX века // Политические репрессии на территории Бурятии 1930-х гг. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 107 с.
9. Ломакина И. И. Монгольская столица, старая и новая. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2006. 189 с.
10. Рошин С. К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. 160 с.
11. Цыренова М. Г., Аюшиева И. Г. Политические репрессии в России и Монголии: историческая память. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 118 с.
12. Kaplonski S. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia // American Ethnologist. 2008. Vol. 32, no. 2. Pp. 321–337.
13. Narangoa L. Japanese imperialism and Mongolian Buddhism // Critical Asian Studies. 2003. Vol. 35, no. 4. P. 496.
14. Олзийбаатар Д. Ягаад 1937 он? = Почему 1937 г.? Улаанбаатар хот, 2004. 310 с.
15. Цэрэн Ц. Буриадуудын дурвэлт, «Лхумбийн хэрэг» гэгчид тэднийг холбогдуулан хэлмэгдүүлсэн нь. Улаанбаатар хот, 2007. 124 с.

Статья поступила в редакцию 18.09.2018; принята к публикации 20.10.2018

Библиографическое описание статьи

Батунаев Э. В. Монголия: от провозглашения независимости до политических репрессий // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 123–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-123-127.

Eduard V. Batunaev,
 Candidate of History,
 Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
 Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 (6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude, 670047, Russia),
 e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

Mongolia: from Proclamation of Independence to Political Repression¹

The article considers one of the most difficult and dramatic periods in the history of Mongolia on the road to independence and sovereignty. The internal political struggle in the MPRP between the “right” and the “left”, the influence of the Comintern, political repression in Mongolia in the 1930s-1940s. The aggravation of the international situation related to the events at Khalkhin Gol had a significant impact on the political development of Mongolia. Particular attention is paid to political repression, which left a tragic trace in the history of Mongolia. Almost all segments of the population of Mongolia were subjected to repression, including the highest party-state leadership, Buddhist clergy, intelligentsia and well-off arats. The mistakes and excesses of the policy of the left-wing policy and the struggle against the lamas led to a large-scale “Khugsugul uprising” in 1932. During the political repressions in Mongolia, the Buryat population suffered much from the political regime, for political reasons, one of which was the fabricated “Case of Lhumbe”. The author came to the conclusion that political repression became an instrument in the internal political struggle against the opposition, strengthening of the personal power of H. Choybalsan and also squaring of personal accounts in the struggle for power.

Keywords: political repression, internal political struggle, Choybalsan, Comintern, Mongolian revolution of 1921

References

1. Baabar. History of Mongolia: from world domination to the Soviet satellite. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2010. (In Rus.)
2. Bazarov, B. V. Unknown from the history of panmongolism. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2002. (In Rus.)
3. Batsaikhan, O. Meetings of Stalin with the Mongolian leaders in 1932–1937. Vostok, no. 3, pp. 142–143, 2011. (In Rus.)
4. Vanchikova, Ts. P., Rinchinova, O. S. The Lumbue case: repressions against the Buryats in Mongolia. Vestnik VSGUTU, no. 4, vol. 39, pp. 166–171, 2012. (In Rus.)
5. History of Mongolia of the XXth century. M: In-t vostokovedeniya RAN, 2007. (In Rus.)
6. Kuz'min, S. L. “Counter-revolutionary center” in Mongolia in the 1930s. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no.4, vol.30, pp.5–13, 2014. (In Rus.)
7. Kuz'min, S. L. Theocratic statehood and the Buddhist church of Mongolia at the beginning of the 20th century. M: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2016. (In Rus.)
8. Kuras, L. V. The repressive policy of the Soviet state in Buryat-Mongolia in the 1920–1930s. Politicheskie repressii na territorii Buryatii 1930-kh gg. Izd-vo Buryat. gos. un-ta – Ulan-Ude, 2007. (In Rus.)
9. Lomakina, I. I. The Mongolian capital, old and new. M: T-vo nauchnykh izdaniy KMK, 2006. (In Rus.)
10. Roshchin, S. K. P. Genden, the Mongolian national leader. Strokes of the biography. M: Institut vostokovedeniya RAN, 2008. (In Rus.)
11. Tsyrenova, M. G., Ayushieva, I. G. Political repression in Russia and Mongolia: historical memory. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta, 2011. (In Rus.)
12. Kaplonski, C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia. American Ethnologist, vol. 32, no. 2, pp. 321–337, 2008. (In Engl.)
13. Narangoa, L. Japanese imperialism and Mongolian Buddhism. Critical Asian Studies, vol. 35, no.4, p. 496, 2003. (In Engl.)
14. Olziibaatar, D. Yaagaad 1937 on? = Pochemu 1937 g.? Ulaanbaatar khot, 2004. (In Mongl.)
15. Tseren, Ts. Buriaduudyn durvelt, “Lkhumbiin khereg” gegchid tedniig kholbogduulan khelmegdyysen n'. Ulaanbaatar khot, 2007. (In Mongl.)

Received: 18 September 2018; accepted for publication October 20, 2018

Reference to the article

Batunaev E. V. Mongolia: from Proclamation of Independence to Political Repression // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 123–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-123-127.

¹ The work was supported by the fundamental research program of SB RAS XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, No. AAAA-A17-117021310264-4.